

На правах рукописи

Исаев Юрий Николаевич

**ФИТОНИМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Чебоксары – 2015

Работа выполнена на кафедре чувашской филологии и культуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Научный консультант – **Сергеев Виталий Иванович**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры чувашской филологии и культуры

Официальные оппоненты: **Мудрак Олег Алексеевич**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора лингвистической компаративистики Института восточных культур и античности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет»

Галиуллина Гульшат Раисовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры татарского языкознания федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский государственный энергетический университет»

Ведущая организация – федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук (г. Уфа)

Защита состоится 12 февраля 2016 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.301.03, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», по адресу: 428034, г. Чебоксары, ул. Университетская, д. 38 (учебный корпус № 3), зал заседания Ученого совета, к. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова и на сайте www.chuvsu.ru.

Автореферат разослан 5 ноября 2015 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.М. Иванова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена сравнительно-сопоставительному изучению фитонимов в разноструктурных языках.

Актуальность темы исследования. В сопоставительной лингвистике последних десятилетий стали заметно превалировать антропоцентрические тенденции изучения национальных языков как части духовной культуры человека. Это стало характерным и показательным индексом исследований целого ряда лингвистов: Ю.Н. Караулова, В.В. Колесова и др. Антропоцентричность выступает как регулярная константа любого языка, это закономерно вызывает необходимость проведения типологических и сопоставительных исследований в разноструктурных языках, позволяющих выявить универсальные и специфические их признаки.

Новая парадигма подхода к рассматриваемым явлениям связана с анализом феномена междисциплинарного характера, с поиском концептуальных категорий, исследованиями в области лингвокультурологии. Это является определяющим признаком теоретических изысканий лингвокультурологов (В.В. Красных, В.А. Маслова и др.), этнолингвистов (А.А. Потехня и др.), лингвофольклористов. Такая методология вытекает из языковой картины мира (ЯКМ) (Е.С. Кубрякова, Ю.Н. Караулов, В.Н. Телия и др.), национальных стереотипов мышления. Фактор фитонимического значения представляет собой универсальное номинативное поле национальной языковой картины мира, в которой воплощается лингвокультурологический кодекс, действующий на оси «язык – культура – этнос». В фитонимических единицах (ФЕ) отражается культурно-исторический, социально-общественный, профессиональный и бытовой опыт носителей языка. Однако до сих пор весь пласт фитонимической картины мира (ФКМ) в рассматриваемых нами языках не был предметом специального исследования. Комплексный лингвокультурологический анализ выступает как один из путей глубинного познания содержательной стороны сопоставляемых языков, раскрывает закономерные связи между их уровнями, рассматриваемыми на срезе фонолингвистических и экстралингвистических факторов.

Объектом исследования являются фитонимические единицы ряда разноструктурных языков, функционирующие в фольклорных и художественных текстах, в повседневной речевой практике.

Предмет исследования – структурно-семантическая, фономорфологическая организация данного пласта и ее функциональные особенности в языковом дискурсе.

Цель исследования – характеризовать на основе сравнительно-сопоставительного и типологического анализа фитонимов ряда структурно отдаленных друг от друга языков (не только русского и чувашского, но и других) их типологическое сходство и различия, выявленные в маркировке фитонимической картины мира.

Цель исследования определяет следующие его **задачи**:

- выявить особенности национальной языковой картины мира и проанализировать степень изученности фитонимической картины мира в разноструктурных языках;

- рассмотреть сопоставимый корпус фитонимов не только русского и чувашского, но и алтайских, финно-угорских, индоевропейских и кавказских языков;

- на основе сравнительно-сопоставительного подхода исследовать фитонимы разноструктурных языков, придерживаясь правил, основываясь на адекватной, выверенной методике исследования;

- сравнить и сопоставить названия предметов как денотативно-референтные единицы языка (слоги, фонетические слова, морфемы, лексемы, включая в круг рассмотрения преформанты и детерминативы);

- поставить во главу угла феномен корневых морфем и реляционно-деривационных формантов (расширителей корня);

- проанализировать структурно-семантические и деривационные свойства фитонимов в чувашском, русском, алтайских, финно-угорских, индоевропейских и кавказских языках и выявить универсальное, характерное для всех исследуемых объектов;

- обосновать теорию двух-, трехбуквенности корня и выявить адекватный структурный состав фитонимов;

- проанализировать характер языковой образности фитонимических фразеологических единиц;

- при сопоставительном рассмотрении паремийного материала русского и чувашского языков учесть особую, определяющую роль

отчетливо выраженной национально-культурной семантики фитонимов одного языка, сопоставляемого с другим языком, как базового начала выявления изосемантических рядов, выявить корпус семантических корней слов;

- провести анализ фитонимических единиц в мифологическом аспекте (дискурсе);

- исследовать особенности использования фитонимических текстовых единиц как средств художественной поэтики писателя;

- определить символику фитонимов в языковой культуре и ее отражение в творчестве русских и чувашских писателей;

- раскрыть возможности использования методологии ассоциативного эксперимента для анализа фитонимической картины мира, проанализировать функционирование соответствующей картины мира в реакции-высказывании.

Источниками исследования послужили научные издания по фитонимической тематике, русские и чувашские энциклопедии и следующие словари: «Фразеологический словарь русского языка», «700 фразеологических оборотов русского языка», «Русский фразеологический словарь», «Словарь русских пословиц и поговорок», «Словарь устойчивых сравнений русского языка». Материалом для настоящего исследования также послужили собрания сочинений русских и чувашских писателей, словари В.И. Даля, С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Ушакова и др.

Эмпирической базой диссертации являются 2120 единиц фитонимической лексики, полученные методом выборки из русских и чувашских ботанических словарей, более 15 тысяч пословиц и поговорок, объединенных в ассоциативно-вербальные блоки вокруг наиболее активных в паремиологическом пространстве компонентов. Для иллюстрации функционирования фитонимических единиц использованы данные ассоциативного эксперимента (АЭ), реципиентами которого выступили студенты вузов и учащиеся общеобразовательных школ Чувашской Республики.

Теоретической и методологической базой создаваемой концепции исследования являются труды как отечественных, так и зарубежных языковедов в области теоретической лингвистики (Ф. Джонсон-Лэрд, Дж. Лакофф, Е.С. Кубрякова и др.), когнитивной лингвистики, специалистов по лингвистической типологии, теоретической семантике, по словообразованию и

теории номинации (Ю.Д. Апресян, О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, Т.Г. Винокур, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Л.В. Щерба, А.К. Шагиров, Д.Н. Шмелев, Н.В. Уфимцева, J. Pokorny и др.).

При решении поставленных задач приоритетными стали синхронно-сопоставительный, семантико-номинативный, статистический и сопоставительно-типологический **методы исследования**, а также методы фразеологической идентификации, компонентного анализа, концептуального анализа, лингвистического прогнозирования. При структурной организации собранного фитонимического материала был использован полевой метод, способствующий квалификации фитонимического дискурса как упорядоченной системы. При сборе и обработке эмпирических данных плодотворными стали метод сплошной выборки, лингвистический эксперимент, статистическое описание. Для демонстрации специфики ключевых слов использовались приемы лексикографического описания, собственно стилевой анализ художественного текста, ассоциативный подход.

Достоверность полученных результатов обеспечивается качественной и количественной репрезентативностью выборки информантов (участниками эксперимента стали 1720 респондентов – школьников и студентов), большим объемом экспериментального материала (всего проанализировано в разных аспектах 28314 ассоциативных реакций).

Научная новизна работы заключается в том, что это первое исследование, посвященное всестороннему изучению фитонимической картины мира. В диссертации осуществляется многоаспектный и комплексный подход к анализу особенностей ФКМ. Впервые уделено внимание сопоставительному изучению данного фрагмента ФКМ, представленного в ряде разноструктурных языков (русский, чувашский и др.). В диссертационном исследовании представлен опыт сопоставительного изучения соответствующего ядерного фрагмента ряда языков с учетом структурно-семантических и номинативных особенностей фразеологических единиц; на основе применения интегрально-дифференциального подхода показана национально-культурная специфика фразеологических единиц с компонентом-фитонимом; проанализированы функциональные особенности фитонимов

в фольклорном дискурсе, определены новые параметры и составляющие фитонимического паремиологического пространства; рассмотрены и проанализированы флоремы текстовых единиц и их функциональные возможности в эстетическом мире русских и чувашских писателей; на их основе охарактеризованы функциональные особенности фитонимов в идиостиле мастеров художественного слова. ФКМ исследуется в новом ракурсе, а именно на материале ассоциативных реакций.

Теоретическая ценность работы заключается в выявлении особенностей фитонимических единиц с фитокомпонентами в неродственных языках. Результаты исследования вносят вклад в дальнейшее развитие теории фольклорного, паремиологического, фразеологического дискурсов. Используемый в диссертационном исследовании метод анализа (образно-мотивационный, фольклорный и фразеологический аспекты) ФКМ может быть применен при изучении других языковых картин мира. Полученные результаты также будут способствовать выработке методики проведения лингвофольклористического анализа.

На материале ФКМ выявляются смысловые приоритеты языковой картины мира писателей, определяется функциональная значимость наименований растений в построении художественного текста. Выводы, полученные в результате исследования, углубляют представление о своеобразии художественного языка того или иного писателя и способствуют решению ряда проблем в области авторского идиолекта.

Теоретически значимым является использование ассоциативного поля, широко применяемого в когнитивной лингвистике.

Практическая значимость. Основные положения и выводы исследования могут быть использованы в лекционных курсах по лингвокультурологии, лингвофольклористике, на практических занятиях по анализу художественного текста, при создании словарей художественной лексики писателя.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сопоставительный анализ фонеморфологических, номинативных особенностей фитонимов в разноразличных языках позволяет выявить дифференциальные признаки, наблюдаемые в ходе категоризации фитонимического пространства.

2. Фитонимические фразеологические единицы отличаются особой природой, проистекающей из нерасторжимого единства цельно- и раздельноформленности компонентов фраземы, такими дифференциальными признаками являются компаративность, аксиологичность и т.п.

3. Стереотипы фитонимов могут определить закономерную связь между информацией, заключенной в фольклорных текстах, и объемом информации выбираемой идиомы, актуальной для современной языковой ментальности.

4. В фитонимическом паремиологическом и фразеологическом пространстве могут быть установлены постоянные и переменные величины и границы их подвижности, ибо статическое и динамическое проявляются в паремике в разных аспектах, на разных уровнях.

5. Флоремы в составе текстовых единиц представляют особый уровень стратификационного механизма языка.

6. Флоремы в произведениях русских и чувашских писателей выступают как индекс продуктивного способа развития семантики, отражающий своеобразие видения мира автором.

7. ФКМ как универсальная и базовая картина мира объединяет в себе когнитивные процессы и универсалии языка.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Полученные результаты соответствуют формуле специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» по следующим указанным в паспорте определениям: «разработка и развитие языковедческой теории и методологии на основе изучения генетически связанных родственных языков и установления соотношения между родственными языками и описание их эволюции во времени и пространстве»; «изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними»; «исследование и описание языка через его системное сравнение с другими языками с целью пояснения его специфичности».

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертации нашли отражение в опубликованных 42 работах: в 5 монографиях, в 2 учебно-методических пособиях, в 15 публикациях в рецензируемых научных журналах из Перечня ВАК Минобрнауки РФ и в 20 статьях в научных сборниках, освещались

на международных (Россия, Казахстан, Турция), всероссийских (Чебоксары, Стерлитамак, Улан-Удэ) и региональных (Чебоксары) конференциях. По итогам опубликованных работ имеется 7 цитирований в системе РИНЦ, индекс Хирша равен 2. Материалы диссертационного исследования внедрены в профильную деятельность ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева», БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук».

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, условных обозначений, списка сокращений, списка использованной литературы и приложения. Общий объем диссертации составляет 414 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, определяются объект и предмет исследования, ставится цель и формулируются задачи диссертационного исследования, обозначаются использованные в работе методы исследования, указываются теоретическая и практическая значимость, выделяются положения, выносимые на защиту, описывается структурное построение работы.

В первой главе «**Фитонимы как составная часть языковой картины мира**» проведен обзор фитонимических исследований по языковым семьям (1.1), рассмотрены различные картины мира: языковая картина мира, языковая картина мира человека, фитонимическая картина мира, мифологическая картина мира (1.2), описана тематическая группа «растения» по одиннадцати подпунктам (1.3), освещено содержание понятий «концепт» и «концептосфера» в антропоцентрической парадигме как универсалий языковой картины мира (1.4).

Появление понятия языковой картины мира и в особенности возрождающиеся ныне исследования языковой картины мира человека являются симптомом возникновения гносеолингвистики – теории познания, раздела лингвистической философии. Фитонимическая картина мира входит в более широкую картину

мира по формуле «человек и природа». Мифологическая картина мира является антропоцентричной; человек ставит себя в центре космоса, в том самом месте, где совершался акт первотворения.

Сегодня существует необходимость объяснения нового термина «флорема» как совокупности слов, относящихся к различным тематическим подгруппам и объединенных общим семантическим компонентом – «растительный мир» – с лексической, грамматической и словообразовательной разновидностями. В данном случае флорема приравнивается к текстовым единицам. В концептосфере «растительный мир» нами отдельно рассмотрены видовые названия деревьев и кустарников: *дуб*, *береза*, *осина*, *ель*, *верба*, *вяз* и т.д.

Концептосфера – совокупность концептов, а концепт – факт образа жизни, общественного сознания, теории, выраженной в языковой форме, единица человеческого знания о мире. В концептосферу «растения (флора)» входят также чувашские названия лесных массивов: *вӑрман* «лес», *туйра* «молодой дубняк», *хурӑнсур* «березняк» и т.д. Лес (совокупность одновидных и разновидных деревьев) в мифологии – это место тайн и опасностей, посвящений и испытаний, а также символ убежища.

Картина мира не может оставаться нейтральной по отношению к человеку. Издревле человек стремился создать для себя простой, понятный и доступный его пониманию образ окружающего мира. У многих народов мира был образ мирового дерева (чув. *ама йывӑҫ*). Мифологический образ мирового дерева – это образ самодостаточный (имеющий вполне самостоятельное мифологическое значение), а поэтому во многом канонический (истинный), поскольку отражает стратегическую мифологическую реальность. Мировое дерево было первой реальной попыткой сознательного отношения человека к себе и окружающему миру, попыткой объяснить тайны природы на свой лад, в соответствии с собственным миропониманием. На самом деле дерево было реальностью: корни в подземном мире, ствол дерева находится в жизни земной, а крона (разветвленная часть дерева с его листвой) тянется в небо (к Богу). Миф о мировом дереве – это нечто постоянное, всеобщее, как будто и закономерное явление, встречающееся у многих народов мира.

В мифологическом восприятии древних дереву (чув. *йывăç*) приписываются священные силы. Дерево в понимании первобытного человека как космос, т.е. как образ Космоса, как космическая теофания и теософия. Мировое дерево может проявляться в виде собственно дерева, например, чув. *юман* «дуб» выступает как божество¹; башк. *имэн* «дуб» – мифологизированное дерево, способное одаривать людей силой и здоровьем; как в чувашском, так и в башкирском дуб олицетворяет мужское начало. В индоевропеистике известна связь названия божества с названием дуба, это особенно проявляется в названии бога грома – *Перун*. Дуб считается священным деревом. В тех странах, где растет дуб, он мыслится как огромное мифическое дерево.

В аспекте проблемы «человек во флористико-языковой картине мира» нами изучен вопрос о связи «человек – растение», выраженный в модели *аça* «самец» + фитоним и *ама* «самка» + фитоним. Например:

а) *ама* + название фитонима². *Ама йывăç: Хуралта ама йывăç кёрсен хуралтă телейлĕ пулать тет; кĕлет пулсан тырă-пулăран татăк пулмасть, пурт пулсан хуйхă курмаççĕ* «Если при постройке попадет дерево-матка, то, говорят, это строение будет счастливым; если это амбар, то в нем не будет переводиться хлеб, а если изба, то (живущие в ней) не будут испытывать горя». *Ама хурăн (хорăн)* – береза с сережками. *Хурăн лартнă чухне ама хурăн лартсан лайăх* «Лучше всего сажать березку с сережками».

б) *аça* + название фитонима. Определения «аça» или «ама», поставленные при названиях растений, вовсе не указывают на их действительные половые отличия, рассматриваемые в ботанике, а только служат выражением общего впечатления, производимого на наблюдателя внешним видом растения.

Особое внимание в диссертации уделено показателям собирательности, уменьшительности, ласкательности, увеличительности как отправной точке к размышлению при толковании их функционирования в составе фитонимов. В русском языке почти каждое название дерева подвергается деривационно-

¹ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки: в 17 т. Т. 4. Чебоксары, 1994. С. 323.

² Там же. Т. 1. С. 187.

семантическому изменению, которое наглядно представлено в приведенной схеме:

I → производное с собирательным значением *название*;

II → производное с уменьшительно-ласкательным значением *деревцо*;

III → производное с увеличительным значением.

Ср.:

I → *дубняк, дубник, дубрава...* «дубовый лес»; ср. *дубье* «дуб»;

II → *дубочек* → *дубнячок* – маленький дуб (ср. чув. *туйра*);

III → *дубье* – стройматериалы из дуба.

Изучение концепта в антропоцентрической парадигме как универсалии языковой картины мира приводит к выводу, что концептосфера «флора» содержит большой потенциал для изучения национальной культуры.

Во второй главе «**Фономорфологическая характеристика ботанической лексики**» рассматриваются вопросы синхронной реконструкции структуры фитонимов (2.1), фономорфемной характеристики ботанической лексики в алтайских (2.2), уральских, индоевропейских, кавказских и русском языках (2.4), структуры слов со значением «лес» в тунгусо-маньчжурских языках (2.3).

Язык в любом хронологическом срезе – структура динамическая. Это значит, что в каждую эпоху в языке имеются черты старого – отжившие свой век элементы, сохранившиеся в виде реликтовых явлений, напластавшиеся в виде новых ветвей на старой кроне. В свете теории непрерывного развития языка это вполне объяснимо.

Используя термин «синхронная реконструкция», мы принимаем во внимание, что это также своеобразный методический прием сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания, позволяющий восстановить структуру слова путем сравнения и сопоставления современных лексем различных языков на морфемном уровне. При синхронной реконструкции мы можем наблюдать непосредственно необозримые процессы, которые происходили в ходе развития языка, и воспринимаем конкретные формы слов в виде конечного продукта определенного акта деривации. Вместе с тем синхронная реконструкция непосредственно соприкасается с диахронной, т.е. при синхронной реконструкции имеем дело с динамическими моделями синхронных состояний языка, которые в свою очередь

представляют результат исторических преобразований: теоретические основания синхронной реконструкции основываются и в синхронии, и в диахронии. Но тот факт, что эти «данные» представлены в современных языках, вынуждает нас говорить о синхронной реконструкции, т.е. о языковых данных, выстраиваемых на одной (современной) временной плоскости. Таким образом, изучая язык как исторически развивающееся явление, мы соприкасаемся с проблемой устойчивости, стабильности языка во времени.

Характеристика лексем со значением «лес» в общетюркском масштабе начинается с простой констатации фактического материала, который в дальнейшем станет перекидным мостом от содержания к форме или от формы к содержанию, т.е. простая констатация фактов является в нашем исследовании не формальным этапом, а целенаправленной работой в области выявления синонимических рядов или эквивалентов лексем со значением «лес», «дерево».

Изучение истории синонимических групп слов в сравнительно-историческом и сопоставительном плане представляет собой одну из важных задач не только лексикологии, но и семасиологии.

В диссертации приведены фитонимы с разнообразными деривационными формантами: *-ман, -ан, -ам, -кан, -агай (ахай), -лык, -дак /-даг, -зор, -аз (-ар), -ды, -чын* и др. Большинство приведенных деривационных морфем бытует в современных языках в качестве живых словообразовательных формантов, а те, которые трансформировались и потеряли свою продуктивность, легко восстанавливаются исторически и являются также носителями словообразовательных значений.

Следует отметить, что словообразовательные аффиксы в большинстве случаев выражают собирательную множественность. Например, *jiš* «горный лес», где *-š* – аффикс собирательности³. Ср. чув. диал. *йўе* «дерево», др.-тюрк. *ї* – «кустарник», «лес», «дерево», «растение»⁴.

---

³ Кононов А.Н. Грамматика тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. С. 72.

⁴ Древнетюркский словарь / [сост. Т.А. Боровкова [и др.]; ред. В.М. Наделяев [и др.]] Л., 1969. XXXVIII. С. 216.

Аффиксы являются единицами, противопоставленными полнозначным компонентам производного слова. Если же на данном этапе развития языка производное слово превратилось в непроезводное (процесс опрощения), то восстанавливать былую форму поможет не только этимологический, но и морфемно-словообразовательный анализ.

Слово – историческое явление, и его природа может быть объяснена только закономерностями его структурного развития. По этому поводу, к примеру, А.Т. Кайдаров пишет: «Членение односложных корней-основ (имен и глаголов) на более мелкие лексико-грамматические элементы в тюркологии считается относительно новой, но уже имеющей своих сторонников постановкой вопроса, на которую до недавнего времени многие смотрели скептически. Между тем этот вопрос на сегодняшний день не только вызывает интерес исследователей, но и является объектом самого пристального практического осмысления»⁵.

Следует отметить, что в древности в тюркских рунических памятниках единой структуры корня не было. Возможно, первоначально преобладали корни типа СГ (согласный + гласный) и ГС (гласный + согласный). Не исключена возможность, что для праязыкового состояния тип корня из одной гласной фонемы также не был исключением. Наши предположения основываются на следующих фактах:

1. В тюркских рунических памятниках сохранились кратчайшие реликтовые Г-формы тюркского корня, т.е. пережиточные корни прошлых эпох: *ō-* «думать», *й-* «мочь», *і* «растение», *і* «запах», *й* «сон», *й* «тереть, растирать», «мелкий», *а-* «остановиться (о крови)»; ср.: *и* «сон», *и-* «сесть»⁶.

2. Мы поддерживаем точку зрения, что типу трехэлементного корня СГС в тюркских языках предшествует тип слога с конечным гласным и что для тюркского праязыка было характерно преобладание открытого корня типа СГ. Но в алтаистике бытует и

---

⁵ Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986. С. 13.

⁶ Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. С. 13.

другое мнение. В. Банг, Б.Я. Владимирцов⁷ и др. считают основы СГС более поздними, образовавшимися из СГСГ благодаря отпадению гласного.

В ходе изучения вопроса развития корня в диссертации особое внимание уделено однофонемному корню типа Г: *ĩ*, представленному в «Древнетюркском словаре» в значении «растение». Этот компонент употреблялся в парных словах типа *ĩ* *ũaŝ* «всякая растительность». Приведены мнения ряда лингвистов по поводу *ĩ*+*-ũas* «дерево». Морфема *ĩ* присутствует также в словах *jĩŝ* (*ũyŝ*) «горный лес», «чернь»; *ŝĩr* «прут, тонкая гибкая ветвь», а также в производных основах: *ŝĩrĩk* ~ *ŝĩbĩk* ~ *ŝĩrĩk* (ср. чув. *čāpāk*) «прут» → «трубка»; *ŝĩrgan* ~ *ŝĩrĩgan* ~ *ŝĩrĩgan* «унаби»; ср. чув. *šāpkan* «рыжик (трава)»; возможно, что морфема *ĩ* содержится в составе названий деревьев: *tĩt* «енница», *ŝĩy* «чий», *ŝĩt* «терновник» и т.д.

По данным синхронной реконструкции, связанными корнями считаются:

I. *õr*, *ũr*, *ur*, *or* (ГС); *gur*, *kor*, *mũr*, *mur*, *bũr*, *bõr*, *tur*, *tor*, *čor*, *šũr*, *xur* (СГС);

II. *ar*, *er*, *ār* (ГС); *võr*, *ĩõr*, *zir*, *kar*, *kār*, *nar*, *nyr*, *šār*, *šyr*, *tar*, *čar*, *čyr*, *šyr* (СГС);

III. *al*, *el*, *ul* (ГС); *bal*, *bel*, *val*, *ieł*, *ũyl*, *dal*, *dol*, *zel*, *kal*, *kil*, *kol*, *kũl*, *mil*, *nal*, *nil*, *sal*, *tal*, *tol*, *tul*, *kul*, *šal*, *nil*, *šyl*, *čal* (СГС);

IV. *ai*, *oi*, *ui*, *oi*, *āv*, *ũv* (ГС); *bai*, *bũk*, *gai*, *goi*, *zoĩ*, *zoŷ*, *zai*, *žig*, *jĩg*, *ĩõk*, *kaĩ*, *kāk*, *kav*, *kev*, *koĩ*, *kāv*, *kõĩ*, *nāx*, *nok*, *nuk*, *soĩ*, *šai*, *šõĩ*, *soğ*, *siḅ*, *sak*, *sig*, *tui*, *ũuv*, *čāk*, *tok*, *čii*, *čiv*, *čyb* (СГС);

V. *ũz*, *ũž*, *az*, *as*, *ož*, *yž* (ГС); *boz*, *ũas*, *meš*, *miš*, *tež*, *myš*, *kəž*, *kaš*, *nāš*, *n'āš*, *nyz*, *poz*, *saz* (СГС);

VI. *kyt*, *nyt*, *sad*, *šyt*, *tut*, *tyt*, *tĩt*, *tõt*, *čet* (СГС);

VII. *zym*, *ũam*, *jig*, *ũom*, *kan*, *kān*, *kyn*, *dan*, *mũn*, *nym*, *nan*, *san*, *som*, *sam*, *em*, *čum*, *čyn*, *čũn*, *tan*, *šyn*, *šĩn*, *šun*, *šam*, *šān*, *šym* (СГС).

Фономорфемная характеристика ботанической лексики алтайских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков связана с

⁷ Владимирцов Б.Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества / осн. бароном В.Р. Розеном. СПб., 1911. Т. 20, вып. 2–3. С. 157.

выходом за рамки одной семьи (тюркских) языков. Опираясь на теорию, объясняющую материальную и структурно-типологическую общность тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, можем говорить о генетическом родстве этих языков. Поэтому по отношению к языковому материалу применяем термин «сравнение» («сравнение языкового материала генетически родственных языков»).

Сравнительное и сопоставительное изучение лексического материала, а также сравнительно-историческое исследование морфемики, морфологии – корневых и аффиксальных морфем – являются основной задачей при решении проблем родства и истории языков различных групп. Алтайские языки в этом отношении не являются исключением.

Проводя исследование, мы придерживаемся правил, сформулированных Н.А. Сыромятниковым.

Правило 1. Правильное деление на морфемы является важнейшим условием для правильной этимологии. Если же мы следуем принципу деления слов непосредственно по составляющим, гарантируя правильное определение морфемного состава слова, в результате можно установить не только «синхронную» этимологию слова, но и отчасти «диахронную», а следовательно, и действительную его структуру.

Научная процедура определения морфемного состава слова представляет собой последовательное выделение, членение морфем «с конца», заканчивающаяся вычленением корня, т.е. непроемной основы.

Особого внимания заслуживают следующие правила.

Правило 2. Сравняются не слова, а морфемы. Это правило действует при сравнении материала как близкородственных языков, так и языков неродственных. Этому правила не придерживаются многие исследователи.

Правило 5. При сравнительном изучении лексики сравниваются общие морфемы во всех языках, где они имеются в том же или сходном значении.

Аксиомой в данном случае является правильное деление лексемы на формы. В современных языках многие корни приобрели связанный вид, т.е. являются радикаоидами или унирадикаоидами. Степень членимости слов со связанными

корнями с диахронной и синхронной точек зрения различна. Членимость зависит от характера их значения и наличия в языке или в родственных языках ряда слов с тем же связанным корнем. При обнаружении сходных с фонемной точки зрения связанных корней в родственных языках нужно определить их сходное значение.

Правило 6. При сравнении общих морфем должны быть обнаружены регулярные фонетические соответствия. Как известно, родственные языки характеризуются закономерными морфологическими и лексическими соответствиями, но эти соответствия устанавливаются на базе известных звукосоответствий, поскольку решающей ступенью доказательства языкового родства, по мнению некоторых исследователей, является постулатия именно фонетических корреспонденций⁸. Но в этом случае нужно иметь в виду, что звукосоответствия устанавливаются исключительно между семантически сближаемыми элементами⁹.

Правило 8. При сравнении морфем разных языков необходимо учитывать наличие родственных корней. Признание наличия родственных корней, по Н.А. Сыромятникову, даст возможность усовершенствовать сравнительно-исторический метод, переход от сравнения отдельных морфем к сопоставлению целого ряда таких корней в сравниваемых языках может свидетельствовать о родстве больших пластов их лексики. Однако сравнительное изучение родственных корней одного и того же языка, а также родственных языков является самой отстающей областью лексикологии¹⁰.

Выдвигая тезис о родственных корнях, Н.А. Сыромятников затрагивает вопрос о семантических классах слов, которые недостаточно изучены не только в пределах родственных языков, но и в системе одного отдельно взятого языка. В ходе наших исследований мы придерживались методики сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках

---

⁸ Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / отв. ред. Б.А. Серебренников. М., 1973. С. 14.

⁹ Потехня А.А. Из записок по русской грамматике. Об изменении значения и заменах существительного. Харьков, 1899. Т. 3. С. 1.

¹⁰ Сыромятников Н.А. Семантические компоненты родственных корней в японском языке // Проблемы семантики. М., 1974. С. 355–364.

Н.А. Сыромятникова. Сравнивая слова, относящиеся к ботанической лексике в алтайских языках, делаются попытки сличать корни¹¹, с учетом того, что они в ходе исторического развития могли видоизменяться как фонетически и морфологически, так и семантически.

История родственных корней никогда не будет до конца установлена, если их не сравнивать с чем-либо, но чтобы устанавливать архетип связанных корней, нужно знать относительную хронологию языковых изменений.

Проблема корня в языках различных систем может быть рассмотрена в двух аспектах – синхронном и диахронном.

Исследование морфемной структуры и структуры тюркского корня имеет также отношение к проблеме вычленения: а) общеалтайских деривационных формантов в фитонимах со значениями собирательной множественности, уменьшительности, ласкательности, а иногда и увеличительности, а также б) общеалтайских корней.

Исследование общеалтайских корней в фитонимах типа р – группа, л – группа и т.д. должно проложить мост к изучению корней (радиксоидов) в других языковых семьях.

Во многих языках, по мнению исследователей, реконструкция первичного корня в виде СГС, наряду с Г, СГ, ГС, не вызывает сомнения, но не все принимают мысль о том, что ауслатные в типах ГС, СГС *-р, -л, -м, -н* и др. являются распространителями корня и детерминативами, используемыми в качестве конкретизатора смысла, то есть в большинстве случаев фонемный и морфемный анализ СГС определяет третий элемент как словообразовательный аффикс при именных корнях.

Структура ономатопоэтических и образноподражательных слов (мимем, имитативов), как правило, из закрытого слога следующих структур: СГС, СГСС, ГСС, ГС.

Поскольку с современной точки зрения корни слов = фитонимов в большинстве случаев являются радикасоидами и

---

¹¹ Сыромятников Н.А. Как отличать заимствования от исконных общностей в алтайских языках? // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 50–61; Его же. О лексике, общей у японского языка с индонезийским и тагальским языками // Вопросы японской филологии. М., 1970. Вып. 1. С. 109–119.

унирадиксоидами, т.е. связанными корнями, Г.Е. Корнилов говорит о смысловыразительной функции идеофонов в имитативах типа СГС, ГС и считает радикасоидами в фитонимах: *çamra* (*çam-ra*) «чаща» *çam* (зрительно-слуховой эффект при разламывании веток, подражание треску и хрусту)¹², *çирёк* «ольха» *çир* (хрупкая, ломкая, непрочная), *çёмёрт* «черемуха» *çёмёр* «бить, ломать, крушить»¹³, *йёлме* «вяз» *йёл* (букв. «вязкий, липкий»), ср. русские фитонимы *вяз*, *липа*; гл. *-глен* (архаич.) из др.-рус. *гльбень* («сок, влажность»)¹⁴.

Вопрос об открытом слоге в двусложных словах в языках различных систем достаточно спорный. Лексемы *хэр* «лес на северной стороне хребта» и *kerü ~ keru ~ kärü ~ kiri* (с ауслутными *ü ~ u ~ i*) «бор, роща позади гор» являются гомогенными, последние отличаются от первых тем, что содержат дополнительные гласные *u, ü, i* в ауслуте корня. По мнению исследователей, корень типа СГС характерен для тюркских языков, а СГСГ – для монгольских. По этому вопросу нет единства мнений среди алтаистов. Решение этого вопроса чрезвычайно важно, поскольку он касается первоначального строения алтайских корней¹⁵.

При описании словообразовательной структуры слов со значением «лес» в монгольских языках нами выделены следующие словообразовательные форманты:

а) *-aa*: монг. *бураа* «густая роща, лесная чаща».

Фонетическими вариантами этого суффикса считаются *-oo*, *-уу*, *-ээ*. По мнению исследователей-монголоведов, этот суффикс в прошлом довольно распространенный, но в современных языках малопродуктивный¹⁶. Видимо, суффикс *-aa* в слове *бураа* является омонимичным суффиксу *-aa*, который прибавляется к глагольной основе. Поскольку в слове *бураа* восстановить глагольную основу

¹² Сыромятников Н.А. Как отличать заимствования от исконных общностей в алтайских языках? С. 131.

¹³ Там же. С. 131–132.

¹⁴ Там же. С. 151.

¹⁵ Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам. М., 1962. С. 33–46.

¹⁶ Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков: на материале монгольского и бурятского языков. М., 1974. С. 193–194;

Грамматика бурятского языка: фонетика и морфология. М., 1962. С. 56.

невозможно, к тому же в данном примере суффикс *-aa* не передает значения ни орудия действия, ни места действия, ни результатов действия¹⁷, то можно допустить, что здесь *бур* – радикалоид с именным значением «лес ↔ дерево», а членимый элемент *-aa* – разновидность добавочных гласных *a, e, i, ä* с утраченным деминутивным или учащательным собирательным значением.

Собирательное значение суффикса *-aa* (=oo, =уу, =ээ) наглядно представлено в примерах:

бартаа «валуны, большие камни»;

тулээ(н) «дрова»;

хоршоо(н) «кооперация, кооператив».

Таким образом, в слове *бураа* суффикс *-aa*, присоединяясь к предполагаемой именной основе, придает слову собирательное значение с оттенком интенсива;

б) *-сун (sun)*: *алиусун* «подлесок»¹⁸.

Если учесть, что вариантами суффикса *-sun* являются *-сан ~ han ~ -сон*¹⁹, то его можно сопоставить с аффиксом *-γан ~ -γун*, т.е. *-хан, -хэн, -хон*, когда последний выступает в значении собирательного множества.

По Г.Й. Рамстедту, суффикс *-sun*, очень распространенный в монгольском языке с древнейших времен, «служит для подчеркивания конкретности значения слова»²⁰. Перед этим суффиксом, как полагает ученый, выпадают такие показатели отглагольных имен, как *-n, -r, -l, -s*, что создает впечатление присоединения суффикса *-sun* непосредственно к глагольной основе, а не к отглагольному имени: *dajin - sun ~ dajisun* «враг»; *kimul - sun ~ kimusun* «ноготь»; *ujil - sun ~ ulisun* «кора березы».

В таком случае и бур.-монг. *алирха(н)* «брусника», «отава, трава второго укуса» следует считать отглагольным именем – от *алирха* «перестать покрываться сочной зеленью», но в этом случае выпадение конечного *-p* не наблюдается, что и заставляет

¹⁷ Бурят-монгольско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов. М., 1951. С. 812.

¹⁸ Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. С. 125.

¹⁹ Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979. С. 170.

²⁰ Рамстедт Г.Й. Введение в алтайское языкознание: морфология. М., 1957. С. 199.

сомневаться в справедливости выводов известного алтаиста. Невозможно доказать появление *-u* перед *-sun*, ведь *ujil - sun ~ ujilsun* «кора березы», т.е. после выпадения *-l-* появление *-u* не имеет места.

Л.В. Дмитриева, принимая этот постулат, не показала выпадение конечного *-l* в слове *xulusu(n)* «камыш», тем самым выделила и глагольную основу лексемы. Она пишет: «Эта лексема относится, очевидно, к основе *xulu-* ~ *xul-* + аффикс *-sun*... Она (основа) глагольная в фитониме... *xulu-* ~ *xul-* «становиться, быть светло-коричневым»²¹.

Если бы в глагольной основе *xulu-* ~ *xul-*, как думает Л.В. Дмитриева, выпал показатель отглагольного имени *-l*, то мы бы имели *xusun*, чего в языке нет, во всех монгольских языках *xulusu(n)*, *хулһа(н)*, *хулса(н)* «тростник, камыш, бамбук»;

в) *-той*: *ойтой* «покрытая лесом гора», «лесистая гора», *-той* присоединяется к именной основе и выражает значение «обладание тем, что выражено производящей основой», т.е. в данном случае «лесистый»; ср. *дабирхатай* «смолистый» от *добирхай* «смола», *нухэтэй* «дырвый» от *нухэн* «нора, дыра, яма»;

г) *-лог*: *ойлог* «лесистая местность», «местность, богатая лесом»; присоединяется к именной основе, обладает значением собирательной множественности; ср. *сэсэглик* ~ *сэсэрлик* «цветник» (*сэсэг* «цветок») ²²; ср. тюрк. *-лык*: *наратлык* «сосняк»;

д) *-ч (-č)*: *ховч* «лес, тайга, горный массив». Аффикс *-ч*, по Г.Й. Рамstedту, первоначально мог иметь только уточняющий конкретизирующий характер, но уже на раннем историческом этапе взял на себя роль признака уменьшительности²³. Возможно, аффикс *-ч* в слове *ховч* выполняет уточняющую роль: *ховч* «горный лес», «лес на горе». Аффикс *-ч* с таким значением присоединяется только к именной основе, и состав связанных корней представлен в группах: 1) *ур, ер, ир, ар*; 2) *ој, ой, ај*; 3) *ал*.

Видовые названия деревьев в монгольских языках и их словообразовательная структура подвержены в диссертации

²¹ Исследования в области этимологии алтайских языков. С. 173–174.

²² Рамstedт Г.Й. Введение в алтайское языкознание: морфология. С. 204;

Бурят-монгольско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов. М., 1951. С. 882.

²³ Рамstedт Г.Й. Введение в алтайское языкознание: морфология. С. 190.

специальному анализу. Так, среди монгольских фитонимов (названий деревьев) можно найти производные, образованные с помощью следующих суффиксов:

а) -уу: хушуу (нохойн хушуу) «шиповник»; далдуу «липа» (дал-д-уу?);

б) -уур: гачуур, гасуур ~ гацуур «ель»;

в) -оо: жодоо ~ ёдоо «пихта сибирская»;

г) -гар: сургар «багульник»; улиангар ~ бур. улиангир «тополь, осина»; гандигар «бузина»;

д) -мэн: хэдмэн ~ п.-монг. *kedmen* «груша»;

е) -ба: замба «магнолия», нямба «лаковое дерево»;

ж) -бэг: нимбэг [< санскр.?] «лимон» и т.д.

з) -тан /-дан : зандан «сандал»; хултан «бамбук», где -тан ~ -сан: хулсан.

Некоторые суффиксы носят явно составной характер:

и) -л + -сэн: буйлс (=эн) «миндаль»; ср. буйлээс, буйлсний мод «миндальное дерево»;

к) -л + -с (-аас): майлс «кипарис»; ср.: п.-монг. *mailattsun* «тж»;

майлаас ~ п.-монг. *mailayasu(n)* «туя»;

моилсу (=н) ~ п.-монг. *moilsu(n)* ~ *moisu(n)* «черемуха»;

хайлаас (=ан) ~ п.-монг. *xajilsun* «ильм, вяз»;

л) -гэдэ (-гэ + -дэ?) + -эн: нуургэдээн «ольха», ср. монг. нуурсэн «тж»;

м) -гэнэ (-гэ -ь -нэ?): уургэнэ «терн»;

н) -ол + -з + -гоон + -о: бооролзгооно «малина» и т.д.

о) -ол + -жин: боролжин «береза кустарниковая»²⁴;

п) -оо: ушооһэн(н) «верба», где -оо- имеет уменьшительно-ласкательное значение²⁵.

Словообразующий суффикс множественного числа -с известен только в монгольском языке: майл-с «кипарис». По значению -эн равен показателю множественного числа -д (-т): монг. нохос, бур. ноход «собаки». Суффиксы -с, -аас (майл-аас «туя»), видимо, являются лишь разновидностями суффикса -сан (-һан); ср.:

²⁴ Исследования в области этимологии алтайских языков. С. 49.

²⁵ Дондуков У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ, 1964. С. 25.

монг. *уляас* ~ бур. *уляаһан* «тополь»; монг. *хус* ~ бур. *хуһан* «береза» и т.д.²⁶

Суффикс *-л* образует имена со значением собирательности; в фитонимах он встречается лишь в составе сложных суффиксов: *май-л-с* «кипарис», *бор-ол-жин* «береза карликовая», *май-л* «черемуха», *буй-л-ээс* «миндальное дерево», монг. *тере-л-ж* «багульник».

При морфемном членении фитонимов ряда языков и их семей (алтайских, финно-угорских (уральских), индоевропейских и др.) мы обнаруживаем типологически сходные явления: а) при сравнении и сопоставлении словообразовательных морфем обнаружили регулярные не фонетические, а логико-семантические соответствия; в большинстве случаев они являются показателями собирательной множественности, деминутивности, уменьшительности-ласкательности, реже – увеличительности. Это явление характерно и для современного состояния языка, ср. рус. *ель* – *елка* – *елочка*.

Следуя правилу: «Сравниваются не слова, а морфемы», членя поморфемно названия деревьев и лесов справа налево, выявляя словообразовательные морфемы, которые в большинстве случаев фигурируют и в современных языках, обнаруживаем связанные корневые морфемы (радиксоиды и унирадиксоиды). По характеру корнеобразующих согласных элементов они распадаются на «р = группы», «л = группы», «й = группы», «к = группы» и т.д. Следует считать, что эти радикасоиды и унирадиксоиды являются древнейшими формами первоначальных корнеслов.

При сравнительном и сопоставительном изучении названий деревьев (фитонимов) и лесов мы обнаружили сходные по значению словообразовательные форманты в сходных значениях и сходные «р, л, й, к...» = групповые связанные корни. Если учесть то, что эти «р», «л», «й», «к» и другие группы повторяются во всех нами исследуемых языках, это можно принять за регулярные фонетические соответствия и с долей вероятности можно говорить о родственных корнях фитонимов.

---

²⁶ Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков. С. 164–173.

В третьей главе диссертации «**Изосемические модели и устойчивые языковые сигналы в фитонимическом пространстве ряда языков**» рассматриваются изосемантические модели и устойчивые языковые сигналы в фитонимическом пространстве ряда языков (3.1).

В современной лингвистике большой интерес стали проявлять к системному аспекту полисемии, т.е. к выявлению регулярных сдвигов, переходов в семантических структурах полисемов.

Лексика любого языка связана воедино не только в тексте и в словарях различных типов (в том числе и в словарях фитонимов), но и как некий упорядоченный запас, могущий быть размещенным по своим семантическим связям в исследованиях по тематическому принципу. В целом эти связи представляют собой отражение вещных отношений, но опосредованное многовековым опытом носителей языка, в том числе опытом осмысления места человека в мире и среди живых существ. Этот опыт со временем может устаревать, слова и их значения, отражающие старые воззрения, оттесняются, реже вытесняются новыми, а чаще переосмысливаются, но старое так или иначе остается.

Постоянные жалобы семасиологов в адрес этимологов и компаративистов отчасти обоснованны. Не секрет, что на этот вопрос дает ответ метод изосемантических рядов (ИР) С.С. Майзеля²⁷ подхваченный потом В.П. Старининым²⁸, Ю.Д. Апресяном²⁹, а также Н.И. Толстым³⁰ и Л.Г. Невской.³¹ Н.А. Сыромятников применяет ИР для установления родства корней японских с малайскими и урало-алтайскими³².

---

²⁷ Майзель С.С. Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983. 308 с.

²⁸ Старинин В.П. Изосемантические ряды // Проблемы семантики. М., 1974. С. 349–354.

²⁹ Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974. 367 с.; Апресян Ю.Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык: система и функционирование: сб. науч. тр. М., 1988. С.10–21.

³⁰ Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: семасиологические этюды. М., 1969. 262 с.

³¹ Невская Л.Г. Балтийская географическая терминология. М., 1977. 228 с.

³² Сыромятников Н.А. Семантические компоненты родственных корней в японском языке.

Изосемантические ряды – универсальный семантический прием, применяемый ко всем языкам во многих их ярусах и подъярусах. Неоценима помощь этих рядов в этимологических штудиях.

Мы продолжили изыскания предыдущих авторов (семиологов) и обнаружили ряд новых ИР:

- лес, гора, дерево → демоническое существо;
- дерево → дух дерева; лес – лесной дух;
- дерево → лес → хворост – мусор;
- лес → множество;
- часть дерева → часть тела человека;
- лес → лесной → дикий;
- лес → дерево → деревянное сооружение; предмет из дерева;
- дерево → лодка, судно, корабль;
- дерево → гроб;
- дерево (прутья) → рыболовная снасть;
- предмет из дерева → единица измерения;
- дерево – часть дерева – музыкальный инструмент;
- дерево → орудие труда → оружие;
- дерево → дрова → огонь → очаг → жилище;
- дерево – название рыбы; лес → рыба;
- лес → поросль → дети и т.д.

Рассматривая вопрос регулярной многозначности (регулярной семантической деривации) слова, мы сталкиваемся с проблемами определения семантического корня и выявления на этой основе однокоренных слов. Термин «семантический корень» вводится в обиход для того, чтобы иметь базу для объяснения смыслового развития слова. Он отличается от терминов «этимон» и «этимологический корень» тем, что последние подразумевают не только первоначальное значение, но и форму.

Семантический корень – это исходное значение слова, принимаемое за первоначальное в системе какого-либо полисема отдельно взятого языка или родственных языков. Термин «исходное значение» при этом не надо путать с термином «основное значение». Основное значение – узуальное, принятое в лексикографической практике в качестве первостепенного и выводимое при этом на первое место. Исходное же значение в какой-то степени промежуточное и представляет конкретное звено в семантическом

развитии слова между этимологическим и вполне отчетливо сложившимися производными значениями слова. Таким образом, семантический корень – исходное значение слова, выводимое исследователем на основе конкретно представленных значений полисема с учетом регулярной многозначности слова.

Мы уверены, что выявление регулярных формул полисемии дает возможность реконструировать строение семантики многозначного слова и направление развития семантических сдвигов, а затем, учитывая фактор системности, вплотную приблизиться к решению задач так называемых «семантических законов» языка.

Исследование регулярной многозначности и выявление семантического корня неразрывно связаны с этимологией слова. Как известно, семантические (содержательные) процессы имеют более сложный и запутанный характер, чем процессы формальные (фонетические, морфологические и словообразовательные), и поэтому здесь меньше всего искали постоянства и закономерностей. Формальные процессы и их закономерности можно выявить на материале одного исследуемого языка или группы родственных языков, но семантические закономерности по своей природе являются интернациональными и носят типовой характер, повторяются в различных языках – вот почему семасиолог должен оперировать более «пространственным» материалом, чем, к примеру, фонетист или морфолог, и выявлять универсальные семантические типы, важные для изысканий в области семантики.

Выделение семантического корня и общих закономерностей в области семантики дает возможность отбросить субъективные предположения и догадки и, естественно, поможет поставить историю значений на такую же прочную основу, как историю форм. Семасиолог не должен игнорировать типологически повторяющиеся факты семантики, а наоборот, вплотную заняться ими, чтобы на их основе выработать основные правила семантической типологии, которые впоследствии можно было бы применить в этимологических исследованиях. Семасиологические правила будут действенными тогда, когда устанавливаемую в одном языке филиацию значений можно будет подкреплять аналогичными примерами из других языков. Повторяемость такого

рода филиаций – важнейшее доказательство правильности выдвигаемой исследователем этимологии слова.

В ходе анализа флористических терминов в языках разных систем нами выявлены следующие лексемы с семантическим переходом «дерево» ↔ «лес».

Тюрк.: чув. *вӑрман* «лес», «роща», «дерево»³³, чув. *йывӑс* «дерево», «лес» (лесоматериалы). По данным Н.И. Ашмарина, *вӑрман* – свежий растущий лес; *йывӑс* – сухой рубленый лес³⁴; общетюрк. *агач* «дерево», но в кум. *агач* «лес»³⁵; *орман* «лес», «роща», башк. южн. диал. *урман* «дерево»; ср. тат. диал. *бер агач та урман, урман та урман бизде*³⁶ «лес это лес, одно дерево тоже лес», лес – дерево; башк. *сауыл* «лес», «молодой березняк», башк. диал. *сауыл* «дерево»³⁷.

Монг.: п.-монг. *тод*, монг. *мод(он)* «дерево», «лес» (материал), бур. *модо(н)*, калм. *модн* «дерево»³⁸. Тунг.-маньч.: эвенк. *м̄о* «дерево», «лес» (сплавной), нег. *м̄о* «дерево», «лес»; ср. сол. *м̄о (модо)* «дерево», *м̄оца* «роща»; орок. *м̄о* «дерево», *м̄осо* «лес»³⁹; эвенк. *hekita* «дерево», «лиственница» – «лес, листовяк»⁴⁰; нег. *хон-октон* «лиственница (молодая)» – «лес (из мелких лиственниц)»⁴¹.

Во многих языках зафиксированы семантические переходы «лес ↔ гора», «место, покрытое лесом ↔ безлесное место», «лес, гора, дерево → демоническое существо»; «дерево (род) ↔ дерево (вид)»; «лес (дерево) → множество»; «часть дерева ↔ часть тела»; «лес (лесной) → дикий»; «лес, дерево → деревянное сооружение»; «дерево → лодка, судно»; «дерево → гроб»; «дерево → рыболовные

³³ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. Т. 5. С. 321–322.

³⁴ Там же. С. 321.

³⁵ Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. С. 72.

³⁶ Татар теленӗз диалектологик сузлеге. Казань, 1969. С. 456.

³⁷ Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М., 1976. С. 68.

³⁸ Исследования в области этимологии алтайских языков. С. 168.

³⁹ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимол. слов / отв. ред. В.И. Цинциус. Л., 1975. Т. 1. С. 540–541.

⁴⁰ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимол. слов. Л., 1977. Т. 2. С. 319.

⁴¹ Там же. С. 320.

снаряды»; «дерево → единица измерения»; «дерево ↔ человек»; «дерево → музыкальный инструмент»; «дерево → орудие труда, оружие»; «дерево → дрова → огонь»; «дерево ↔ лес → охота»; «дерево ↔ лес → рыба»; «лес → поросль → дети»; «лес ↔ дерево → животное».

Изосемантические смысловые переходы связаны с вопросом о регулярной многозначности или регулярной семантической деривации. Этот же вопрос увязан с определением так называемого «семантического корня». Если до сих пор этимологи искали «фонетические законы», то настала пора выявить «семантические законы» во имя достоверной этимологии.

Регулярная многозначность была объектом исследования в трудах Ю.Д. Апресяна, Л.Г. Невской, Н.И. Толстого и др.

В результате синхронного сопоставления и сравнения разноязычного материала данное явление может быть интерпретировано как ряд универсальных семантических сдвигов и шагов. Синхронные универсальные семантические сдвиги могут быть представлены как диасинхронические, как последовательности изменения во времени.

В четвертой главе исследования **«Синтагматические и парадигматические особенности фитонимов в фольклорном и художественном дискурсе, в паремиологии и во фразеологизмах»** изучены вопросы номинантов-фитонимов в паремиологическом пространстве русского и чувашского языков (4.1), композиции пословиц со значением «растительный мир» (4.2), значения флористического текста в художественном дискурсе и, в частности, в творчестве русских и чувашских писателей (4.3, 4.4), категории локальности и темпоральности во флористических текстах (4.5), антропоморфизма флорем (4.6), образования и функционирования флористических фразеологических единиц (4.7 – 4.10).

Представления человека об окружающем его мире, в том числе о природе, являют собой глубинную основу системы его ценностей. Отношение русского, чувашского и других народов к природе отразилось в чрезвычайно богатом и детализованном словаре, характеризующемся множественностью в наименовании одних и тех же реалий, различающихся способами семантического и синтагматического маркирования. Исследования в области

контрастивной лингвистики, да и в целом многочисленные кросс-культурные изыскания, иллюстрируют своеобразие когнитивно-вербальной деятельности разноэтностных языковых личностей»⁴².

Представления о растениях не сводятся лишь к ряду реалий, наделенных конкретным названием, а включают более широкий объем материала, позволяющий выявить необходимые знания. И поэтому вся система знаний народной языковой культуры через одну тематическую группу не может быть полноценно описана через названия конкретных ботанических реалий, если при этом не учитывается весь круг основных мотивов, функций и признаков, характеризующих эту систему в целом.

Одним из базисных номинантов-фитонимов (БНФ) в паремиологическом пространстве⁴³ русского и чувашского языков выступает лексема *лес* / *вӑрман*, которая имеет значение «множество деревьев, растущих на большом пространстве». Понятие *лес* может быть обозначено разными словами: *роща* «небольшой, чаще лиственный лес», *бор* «хвойный лес», *дубрава* «дубовый лес, роща», «лиственная роща»: *Дубрава зимой почернела – к оттепели или буре* – гласит народная примета⁴⁴. В ряде случаев значение «лиственная роща» уточняется благодаря определению *лесная*: *Лесная дубрава почернела – к оттепели или бурану*⁴⁵.

Анализ материалов русского, чувашского и других языков показывает, что по части употребления названия деревьев и кустарников лиственных («лист в виде тонкой, обычно зеленой пластинки») и хвойных («лист узкий, в виде иглы») отличаются. Наиболее часто встречаются народные приметы с лексемой *лист*, т.е. в большинстве случаев барометрами погоды выступают лиственные деревья, среди которых зафиксированы в приметах русских по степени частотности *рябина*, *береза*, *дуб*, *осина*, *черемуха*, *ольха*, *осина*, *ива*, *орешник*; в чувашском языке – *хурама*

⁴² Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: моногр. М., 2008. С. 212.

⁴³ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеол. выражений. М., 1994. С. 317.

⁴⁴ Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. М., 2013. С. 31.

⁴⁵ Степанов В. Русские пословицы и поговорки от А до Я: слов.-игра. М., 1998. С. 203.

(вяз, отсутствующий в русских приметах), *хурӑн* (береза), *çирӗк* (ольха).

Одним из основных параметров БНФ выступает признак «внешнее состояние БНФ сближено с характеристиками узуального субъекта»:

*Пора пахать, когда лес одевается*⁴⁶; *Вӑрман симӗс тум тӑхӑнсан ака ту*⁴⁷;

В познании растительного мира человеком используются не только зрение, слух, но и такие органы чувств, как осязание, обоняние и вкус. Об этом можно судить по приметам: *Весной березовый сок неприятный на вкус – к урожаю хлебов*⁴⁸; *Весной из березы и клена течет невкусный горький сок – к урожаю хлебов*⁴⁹; *Хурӑн сӗткенӗ йӗӗсӗ пулсан тыр-пул ӑнса пулать*. – «Если сок березы горек, то уродится хлеб».

Другим не менее важным признаком БНФ выступает причинный фактор. Причина изменений, происходящих с растением, перемещение воздушных масс: *В ясный день у осины сильно колышутся с шумом листья – к дождю*⁵⁰; Характерный признак растения служит показателем времени суток, например, наступления вечера: *Как осина задрожала, так и скот в поле сьт*⁵¹.

Изучение бинарных композиций, составляющих образную основу паремии, предполагает ответ на вопросы, какие биномы используются для выражения тех или иных смыслов и какие паремийные смыслы реализуются конкретными биномами. Национальное своеобразие проявляется и в совершенно различном использовании отдельных культурных кодов. Так, в русском и чувашском языках бином *дерево – лист* образует паремии с общим логическим смыслом: «При внешнем сходстве все люди очень разные» и «Общество не обеспокоено бедой или смертью отдельного человека», а в чувашском – *Çын çинчи – йывӑç çинчи*

⁴⁶ Погодой год припоминается: рус. нар. земледел. календарь / сост. Б.М. Ховратович. Красноярск, 1992. С. 52.

⁴⁷ Сидорова Е.С. Сӑнавсемпе палӑсем. Шупашкар, 1995. С. 146.

⁴⁸ Погодой год припоминается. С. 23.

⁴⁹ Степанов В. Русские пословицы и поговорки. С. 28.

⁵⁰ Там же. С. 119.

⁵¹ Рыбаков Б.А. Народный календарь. Чебоксары, 1993. С. 104.

«Что на людях, то на дереве», «Человек может за частным не видеть целого»; «Все идет своим чередом, идет как положено». Установки культуры реализуются за счет образа того или иного дерева – компонент «дуб» продуцирует, например, такие: «Дети похожи на своих родителей» (*Каков дуб, таков и клин, каков батька, таков и сын*); «У хороших родителей могут быть плохие дети» (*Дуб – дерево хорошее, да плоды его только свиньям годны*); «Пожилые люди являются более терпеливыми и выносливыми» (*Старый дуб не скоро сломится*) и т.д. Указаны ассоциации каждого дерева в русской и чувашской культурах, отмечены лакунарные или встречающиеся редко компоненты в составе паремий русского и чувашского языков.

Бинарные композиции пословиц со значением «растительный мир» представлены значительным количеством паремийных кластеров.

В эстетическом мире русских и чувашских прозаиков и поэтов флористические текстовые единицы являются «всепроницающими». В произведениях четко представлена информация, не выраженная эксплицитными средствами, а содержащаяся в символических структурах: *старый дуб, белые березы и осины, русский лес, сӓкалӓх, юманлӓх, йӓмралӓ ял, Сурӓм вӓрманӓ, сӓмлӓх (сӓм) вӓрманӓ* – эти и многие другие образы уже давно используются как национальные символы. Это так называемая «земная символика» (наряду с минералами и животными), которая наиболее ярко показывает психологическое восприятие человеком мира природы.

*Шан-шур кӓпеллӓ йӓрӓс хурӓн,
Сар майӓр шӓйшкӓлӓх – аппацӓм,*

*Сар вӓрене некех йысна,
Пичче нек маниӓн йӓрӓс каврӓс,
Инке нек уртӓи юнашар,
Атте нек аслӓ юман паттӓр,
Анне нек сапӓр яш сӓка.*

В платье белом стройная березка.
Со спелыми орехами орешник –
сестра моя,
А зять подобен клену
А стройный ясень подобен брату
И рядом невестка – можжевель.
Дубовый кряж – мой батюшка,
Как мама, кротка молодая липа.

В русской и чувашской фразеологии продуктивными являются фитокомпоненты, обозначающие растительные ареалы –

фразеологические единицы с фитокомпонентом *лес / вйрман*. Ср.: рус. *За деревьями леса не видеть* ~ ирон. или неодобр. «не видеть главного из-за множества деталей»; *Чем дальше в лес, тем больше дров*.

Приведем примеры флористических фразеологических единиц с резко выраженной негативной коннотацией (они обозначают самые порицаемые в данной языковой среде качества и поступки человека) из нескольких наиболее обширных смысловых групп:

– ФЕ с общим значением «внезапно сбежать / исчезнуть / потеряться»:

рус. *чуть что, так /спрятаться/ в кусты*; чув. *тёмсем хысне пытан*;

– ФЕ с общим значением «сильно пить / выпивать (об алкоголизме)»:

рус. *натянуться (напиться, налиться), как клюква / как клюковка, (напился так, что) лыка не вяжет, быть под хмельком*; чув. *пӑх пек ўсёр* «пьяный вдрызг».

– ФЕ с общим значением «сводить счеты с кем-л.» / «избить»:

рус. *задать на орехи, задать перцу, накормить березовой кашей, дать березовой каши*:

Вот как распыснуть березовой кашей, так до новых веников не забудут... (Салтыков-Щедрин М.Е. Убежище Монрепо); ср. чув.: *сёмёрт кукли ситер* «угостить пирогом с черемухой», перен. «высечь, наказать»⁵²;

– ФЕ с общим значением «обманывать, дурить, использовать кого-л.»:

рус. *провести на бобах, ободрать как липку, трясти как грушу*,

– ФЕ с общим значением «быть глупым человеком; иметь бессмысленные идеи или невероятные планы»:

рус. *голова как соломой (мякиной) набита, в голове опилки (каша)*; чув. *пусёнче хывӑх анчах* «в голове только мякина» (т.е. глуп); *хывӑх пуç* «мякинная голова».

Компаративный оборот с флористическим (растительным) компонентом – один из самых древних элементов образности.

---

⁵² Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. Т. 13. С. 70.

Данный вид тропа возник еще в эпоху мифопоэтического и пантеистического сознания и существует как средство, наиболее ярко и полно передающее особенности мировосприятия и самосознания народа – носителя того или иного языка. Во многих флористических ФЕ русского и чувашского языков можно увидеть не только отражение особенностей национальной культуры и менталитета, но и следы давних представлений об изоморфизме растений и человека, возникших еще в эпоху мифопоэтического и пантеистического сознания. Данный изоморфизм выражается следующими способами:

1) флористические соматизмы:

рус. *тыква, репа, кочан (капусты)* – флористические соматизмы, входящие в состав ФЕ, служащих для описания внешнего облика человека; *репу из окошка выставил* (растение → человек) или *картошка в мундире* (человек → растение); чув. *кавӑн пуç* (букв. «голова из тыквы») «пустой, глупый человек», *купӑста пуçӗ* (букв. «кочан капусты») «белобрысый человек»;

2) флористические символы, связанные с характеристикой внутреннего мира человека – результат метафорического переноса и давних представлений об изоморфизме растений и человека, например: рус. *крепкий орешек* «человек с твердым и сложным характером»; *Криво дерево, да яблоки сладки* «под грубой оболочкой часто скрывается мягкое сердце»; чув. *юман нек çирӗп* (букв. «крепок как дуб») «здоровый, сильный человек», *çӑка нек çемçe* (букв. «мягок, как липа») «слабохарактерный человек».

Пятая глава диссертационного исследования «**Ассоциаты как языковые средства объективации когнитивных признаков концепта "фитонимы"**» посвящена разработке методики проведения ассоциативного эксперимента (5.1), анализу проблем исследования данных ассоциативного эксперимента (5.2), определению национального компонента семантики слов-фитонимов (5.3).

Одним из способов изучения типов ассоциаций и их связей является методика ассоциативного эксперимента, достаточно глубоко разработанная техника семантического анализа. В процессе ассоциативного эксперимента у участников устанавливаются ассоциативные связи между двумя объектами, которые основаны на личном опыте, и этот опыт исходит из общественного формата

культуры и традиций, т.е. в данном процессе происходит усвоение социального опыта и его трансформация в сознании индивидуума, что является главным в понимании механизма картин мира, в частности фитонимической картины того или иного языка. Испытуемый в данном эксперименте, как носитель того или иного языка, выступает одновременно «экспертом» в области его употребления и передает экспериментатору нужную в данной ситуации информацию о продукте своего языкового сознания.

Направленный ассоциативный эксперимент, как один из типов ассоциативного эксперимента, распространен как метод анализа семантики слова и дает очень важные сведения для описания семантики слова как реальности языкового сознания носителя языка. В ходе направленного ассоциативного эксперимента экспериментатор направляет ассоциации реципиентов в определенное русло, и уточняющие вопросы дают возможность получить большее количество ассоциаций, отражающих различные дифференциальные и оценочные признаки семантики исследуемого слова⁵³.

Полученные данные ассоциативного эксперимента служат практическим подтверждением полисегментности и многоуровневой структуры фитонимической картины мира в русском и чувашском языках и позволяют проверить некоторые теоретические положения, рассматриваемые в сопоставительной и когнитивной лингвистике в целом, поскольку ассоциативная связь определяется «культурой во всем ее многообразии».

Итак, мы констатируем, что матричный лингвистический фитонимический анализ – метод исследования при ассоциативном эксперименте по теме «Дендронимы», т.е. это исследование взаимосвязей между названиями фитонимов (ассоциатами), с их помощью мы можем провести матричное моделирование.

Ассоциат-фитоним – слово, словосочетание, появившееся в сознании испытуемого как реакция на произнесенное или написанное слово, и это регистрируется и фиксируется при матричном лингвистическом фитонимическом анализе.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, делаются выводы и обобщения. В частности, констатируется, что картина мира (в том числе естественная и

---

⁵³ Попова З.Д. Когнитивная лингвистика М., 2007. С. 166.

языковая картина мира) вырастает из адекватных представлений человека о мире. Национальная языковая картина мира формируется в процессе отражения коллективным сознанием этноса внешнего мира, возникает она в ходе исторического развития, вбирающего закономерности познания этого мира.

Концептосфера «флора» содержит большой потенциал для изучения национальной языковой картины мира и национальной культуры. Фитонимическое пространство в сопоставляемых языках – русском, чувашском и др. – подразумевает связанный с соответствующим денотатом «растение» фрагмент языковой картины мира; он обладает своими особенностями семантического развития, парадигматическими отношениями, представляющими собой «совокупность частных систем, или подсистем». Чтобы понять сущность того или иного вербально оформленного явления, необходим анализ техники его номинации в диахронически формирующейся реальности языка. Лексический языковой субуровень объективирует фитонимическое пространство различными номинативными техниками. Среди понятий, связанных с рассмотрением этой проблемы, центральное место занимают понятия синхронического и диахронического подходов, образующие известное противоявление которого одинаково важен как для генетических, так и для типологических и ареальных исследований. При синхронной реконструкции конкретная форма слова предстает в виде конечного продукта определенного акта деривации. Однако синхронная реконструкция непосредственно связана с диахронической, так как язык динамичен; в связи с этим можно говорить о процессе диасинхронии, ибо развитие языка объясняется исторически и функционально.

Поморфемное членение фитонимов разных языков в данном исследовании производилось с целью воссоздания наиболее древнего облика названий древесных растений. Семантическое варьирование многих односложных связанных корней фитонимов-номинантов в ряде языков позволяет констатировать следующее: 1) семантические модели для древесно-кустарниковых растений во всех рассмотренных в работе языковых группах устойчивы, номинанты-фитонимы сохраняют в основном значения производящих основ; 2) фитонимическая лексика во всех языковых группах образуется аффиксацией (суффиксацией) от именных (очень редко от

глагольных) основ (возможно, раньше общие основы (корни) функционировали в «чистом, простом», односложном виде (например, др.-тюрк. *ī* «дерево»), но получили широкое распространение только после их аффиксации (суффиксации); 3) большей частью корни, как показывает поморфемное членение справа → налево, являются связанными, т.е. на современном этапе развития языков они не употребляются самостоятельно (чув. *юм-ан* «дуб», *пал-ан* «калина», *шӑл-ан* «шиповник», рус. *кал-ина*, *мал-ина*); на основе вычисления деривационных морфем выявлены во всех языковых группах одинаковые связанные корни: «р»-группа, «л»-группа, «в, к, г»-группы, «д, т»-группы, «м, н»-группы, «с, ж, щ, ч»-группы. Эти группы можно принять за языковые универсалии и доказать одинаковость эволюции структуры корней слов, относящихся к флористической терминологии; 4) модели именного словообразования фитонимов базируются в основном на односложных корнях, которые, естественно, в редких случаях могут быть расчленены. Модели именного коренного словообразования фитонимов в большинстве языков представлены типами ГС, СГ, СГС, ГСС, СГСС, где Г – гласный, С – согласный. Эти модели устойчивы во всех исследуемых нами языках.

В рамках фитонимического семантического микрополя, конкретной системы фитонимических терминов, семантические сдвиги, регулярная многозначность («дерево» ↔ «лес»; «дерево» ↔ «часть дерева»; «лес, дерево» ↔ «материал» ↔ «изделие из дерева» и т.д.) строго лимитированы коррелятивными отношениями. В результате синхронного сопоставления и сравнения разноязычного материала данное явление может быть интерпретировано как ряд или цепь универсальных семантических сдвигов и шагов. Синхронные универсальные семантические сдвиги могут быть представлены как диасинхронические, как последовательности изменения во времени. В исследовании установлен полный набор семем, относящихся к лексемам-фитонимам различных языков и выявлен на этой основе ряд новых «семантических цепей», не отмеченных до сих пор в лингвистической литературе.

Выявление изосемантических моделей дает возможность реконструировать строение семантики многозначных слов в фитонимическом пространстве русского, чувашского и других

языков, направление развития семантических сдвигов, а затем, учитывая фактор системности, выработать методiku изучения так называемых «семантических законов» разноструктурных языков.

Метафорической основой фитокомпонентов, в семантике которых содержится смысловая нагрузка ФЕ, послужили обозначенные нами компоненты, репрезентирующие в языке набор универсальных общечеловеческих черт, а также определяющие образную мотивацию ФЕ.

Анализ фразеологических компаративных образов, формируемых фитонимами в русском и чувашском языках, наглядно продемонстрировал универсальность структурно-семантических моделей КФЕ (компаративных фразеологических единиц), также их национальную специфику.

Культурный коннотативный потенциал слов-фитонимов, обусловленный фольклорным контекстом, основывается на мелиоративных (положительных) и пейоративных (отрицательных) стереотипных оценочных наращениях, отражающих семантические оппозиции: *калина* – «горькая судьба», «печаль»; *малина* – «сладкая жизнь», «веселье»; *черемуха* – «влюбленность»; *раkitов куст* – «знак печали, гибели»; *верба* – «наступающая весна», «здоровье»; ива – «тоска, печаль» и т.д. Источником обозначенных семантических оппозиций, которые реализуют культурную коннотацию посредством оценочных компонентов значения, послужил уходящий в историю народа, ментальную, духовную сферу стереотип «добро / зло», определяющий многомерность фрагментов фольклорной языковой картины мира.

Флористические текстовые единицы в творческой картине мира русских и чувашских писателей обладают разноплановой системой способов выражения.

Через проведение АЭ и построение на основе их результатов ассоциативно-вербальной сети в исследовании выявлены системность образа флористического мира носителей русской и чувашской культуры и тем самым система их культурных стереотипов. Данные АЭ – богатый материал для двуязычных или полиязычных ассоциативных словарей. Структура словарной статьи в двуязычном или полиязычном ассоциативном словаре должна быть построена в сопоставительном плане. Например, в русско-чувашской словарной статье за порядковым номером

словарной статьи должен следовать слово-стимул и его перевод на русский язык (одним словом или, если необходимо, несколькими словами); после чувашского ассоциата дается его русский перевод, являющийся более или менее нейтральным, общим по значению словом (при полисемии или омонимии приводятся два слова), причем при выборе русского эквивалента к чувашскому ассоциату прежде всего должна учитываться его ассоциативно-семантическая связь с исходным словом.

Ассоциативное поле, полученное в ходе ассоциативного эксперимента на множественную реакцию, показало себя как адекватный для поставленных нами целей исследования материал, способный иллюстрировать функционирование механизма отражения характеристик адресанта в высказывании (реакции), а современный уровень развития когнитивной лингвистики и наличие в ее арсенале широкого инструментария для исследования самого разного лингвистического материала позволяют более широко привлекать подобный ассоциативный эксперимент к лингвистическим исследованиям.

Метод анализа ассоциативного поля на основе схемы (фрейма) – структуры для организации и представления знаний – позволил структурировать ассоциативное поле в соответствии с представленными там разными аспектами ситуаций действительности, связанных с референтом слова-стимула. Это делает данный метод пригодным для анализа ассоциативных полей, образованных самыми разными стимулами при ассоциативном эксперименте на множественную реакцию.

Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:

Монографии

1. Исаев, Ю.Н. Язык: внутренняя структура и функционирование / В.В. Андреев, А.С. Абрамов, Ю.Н. Исаев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2000. – 124 с.
2. Исаев, Ю.Н. Чувашские эмотивные антропосемизмы / Ю.Н. Исаев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. – 157 с.

3. Исаев, Ю.Н. Словообразовательный и семантический анализ флористической терминологии языков различных систем / Ю.Н. Исаев. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. – 256 с.

4. Исаев, Ю.Н. Флористическая терминология в языках Туранского союза / Ю.Н. Исаев. – Астана: Сарыарка, 2011. – 368 с.

5. Исаев, Ю.Н. Фитонимический концептуарий как словарь нового типа (на материалах чувашского и русского языков): монография / Ю.Н. Исаев. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. – 191 с.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК при Минобрнауки Российской Федерации

6. Исаев, Ю.Н. История изучения флористической терминологии в языках различных систем / Ю.Н. Исаев // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 3. – С. 220–232.

7. Исаев, Ю.Н. Регулярная многозначность и «изосемантические ряды» слов / Ю.Н. Исаев // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 4. – С. 414–422.

8. Исаев, Ю.Н. Чувашский фитоним *çатра* «лес, чаща» и марийский фитоним чодыра «лес»: этимология / Ю.Н. Исаев // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 2. – С. 315–319.

9. Исаев, Ю.Н. Слова со значением «лес» в монгольских языках и их словообразовательная структура / Ю.Н. Исаев // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. – 2011. – № 3, ч. 2. – С. 108–111.

10. Исаев, Ю.Н. Фономорфемная структура слов со значением «дерево» в тюркских языках / Ю.Н. Исаев // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. – 2011. – № 3, ч. 2. – С. 112–116.

11. Исаев, Ю.Н. Этимология и мифологическое значение слова *уртӑш* «можжевелик» в чувашском и некоторых тюркских языках / Ю.Н. Исаев // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4. – С. 257–259.

12. Исаев, Ю.Н. Морфемная структура слов со значением «лес» в уральских языках / Ю.Н. Исаев // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4. – С. 260–262.

13. Исаев, Ю.Н. Фитонимы как составная часть языковой картины мира / Ю.Н. Исаев // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 1. – С. 229–231.

14. Исаев, Ю.Н. Синхронная реконструкция тематических групп фитонимов / Ю.Н. Исаев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – Вып. 66. – № 17 (271). – С. 66–75.

15. Исаев, Ю.Н. Аффиксальные морфемы в разносистемных языках и теория «трехбуквенности корня» / Ю.Н. Исаев // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2012. – № 4. – С. 279–288.

16. Исаев, Ю.Н. Принцип относительной хронологии в этимологических исследованиях структуры корня слов со значением фитонимов / Ю.Н. Исаев // Европейский журнал социальных наук. – 2012. – № 9–1 (25). – С. 186–192.

17. Исаев, Ю.Н. Этнолингвистические особенности чувашского дендронима *тупӑлха* «таволга» / Ю.Н. Исаев // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 4. – С. 243–251.

18. Исаев, Ю.Н. К вопросу о регулярной многозначности и «изосемантических рядах слов» (на примере слов со значением фитонимов) / Ю.Н. Исаев // Научный вестник Воронежского архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2012. – № 2 (18). – С. 40–52.

19. Исаев, Ю.Н. Морфемная структура слов со значением «лес» в индоевропейских языках / Ю.Н. Исаев // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2013. – № 1. – С. 71–76.

20. Исаев, Ю.Н. Ассоциативный эксперимент как источник изучения языковой картины мира и как метод когнитивного исследования / Ю.Н. Исаев // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 2. – С. 156–160.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях

21. Исаев, Ю.Н. Семантическая структура многозначного слова / Ю.Н. Исаев, В.И. Сергеев // Вестник Чувашского университета. – 1998. – № 1–2. – С. 57–66.

22. Исаев, Ю.Н. Антропоейоративная лексика в словаре Н.И. Ашмарина / Ю.Н. Исаев // Ашмаринские чтения: материалы межрегион. науч. конф. (Чебоксары, 21–22 октября 2004 г.). – Чебоксары, 2004. – С. 182–196.

23. Исаев, Ю.Н. Концептосфера «флора» и концепт «береза» в языках различных систем / В.И. Сергеев, Ю.Н. Исаев // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: сб. материалов Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И. Егорова (Чебоксары, 27–28 февр. 2009 г.). – Чебоксары, 2009. – Ч. 2. – С. 116–119.

24. Исаев, Ю.Н. Концепт «дуб» в языках различных систем / Ю.Н. Исаев // IV Международный тюркологический конгресс, посвященный 20-летию независимости Республики Казахстан (Туркестан, 13–14 мая 2011 г.). – Туркестан, 2011. – С. 47–50.

25. Исаев, Ю.Н. Лингвокультурный аспект концепта *хурйан* «береза» в языках различных систем / Ю.Н. Исаев // Тюркская цивилизация и суверенный Казахстан: материалы Междунар. науч. конф. (Астана, 19–21 мая 2011 г.). – Астана, 2011. – С. 464–470.

26. Исаев, Ю.Н. К вопросу о степени изученности флористической терминологии в урало-алтаистике / Ю.Н. Исаев // Чувашский язык и этнос в истории евразийской цивилизации: материалы Междунар. тюркол. конф. (Чебоксары, 16–18 сент. 2010 г.). – Чебоксары, 2011. – С. 286–289.

27. Исаев, Ю.Н. Лекарственные растения и народная медицина: (очерк лингвофармакологии) / Ю.Н. Исаев // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 125-летию государственного и общественного деятеля, языковеда и классика татарской литературы Галимжана Ибрагимова, 105-летию народного поэта Чувашской Республики Петра Хузангая, 15-летию кафедры татарской и чувашской филологии СГПА им. З. Бишевой (Стерлитамак, 24–26 мая 2012 г.). – Стерлитамак, 2012. – С. 180–183.

28. Исаев, Ю.Н. Мир растений и человек / Ю.Н. Исаев, В.И. Сергеев // Актуальные проблемы изучения национальных культур, языков и литератур народов Урало-Поволжья: материалы регион. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 16 февр. 2012 г.). – Чебоксары, 2012. – С. 35–44.

29. Isaev, Y.N. To the Question of the Regular Polysemy and «Isosemantic Numbers of the Words» (in Terms of the Words with the Meanings of Phitonyms) / Y.N. Isaev // Scientific newsletter. – Voronezh, 2012. – № 1. – P. 30–40.

30. Исаев, Ю.Н. Кăмăл-туйăм-суйăм саманчĕсене палăртакан сăмахсем = Некоторые лексические единицы этикетного коннотатива / Ю.Н. Исаев // Халăх шкулĕ = Народная школа. – 2012. – № 3. – С. 36–37.

31. Исаев, Ю.Н. Общеалтайская флористическая лексика: миф или реальность? / Ю.Н. Исаев // Этнокультурный диалог в Центральной Азии: проблемы интеграции и национальной идентичности: материалы Байкал. Междунар. гуманит. форума, посвящ. 80-летию БГПИ–БГУ (Улан-Удэ, 14–16 июня 2012 г.). – Улан-Удэ, 2012. – Ч. 1. – С. 108–117.

32. Исаев, Ю.Н. Вопросы изучения флористической терминологии в трудах отечественных лингвистов / Ю.Н. Исаев // Чувакшская письменность: история и современность: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 270-летию Е.И. Рожанского, 175-летию В.П. Вишневого, 140-летию новой чувашской письменности (Чебоксары, 17 июня 2011 г.). – Чебоксары, 2012. – С. 84–94.

33. Исаев, Ю.Н. История чувашского слова *йывăç* – тюрк. *агач* «дерево» в диасинхронном аспекте / Ю.Н. Исаев // Ашмаринские чтения: сб. науч. ст. – Чебоксары, 2012. – № 8. – С. 166–171.

34. Исаев, Ю.Н. Дерево *тилеш* «рябина» в мировосприятии и жизненной практике чувашей / Ю.Н. Исаев // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. – Чебоксары, 2013. – С. 241–249.

35. Исаев, Ю.Н. «Ăвăс» дендроним тата унпа сыхăннă мифсем / Ю.Н. Исаев // Особенности концепций творчества в культуре Урало-Поволжья: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 11 апреля 2013 г.). – Чебоксары, 2013. – С. 92–98.

36. İsayev, Y.N. Çuvaşçada ve bazı türk şivelerinde “ardıç” kelimesinin mitolojik anlamı ve etimolojisi / Y.N. İsayev, translator Bülent Bayram // *Türk: international language, literature and folklore researches journal*. – 2013. – № 2. – Ss. 432–435. – Пер. с тур.: Исаев Ю.Н. Мифологическое значение и этимология слова «урташ» в чувашском языке и некоторых тюркских диалектах / Ю.Н. Исаев; пер. Б. Байрама // *Тюрк: междунар. журн. исслед. по яз., лит. и фольклору*. – 2013. – № 2. – С. 432–435.

37. Исаев, Ю.Н. Вырăс тата чăваш халăхĕ ўсен-тăрана пăхса сур санталăка тата этем пурнăçне сăнани парадигматикăра тата синтагматикăра палăрни / Ю.Н. Исаев // И.А. Андреев профессорăн чĕлхе вĕрентĕвĕн концепци никĕсĕ тата вăл теорипе практика аталанăвне витĕм кўни: регионсен практика конференцийĕн материалĕсем (Шупашкар, 2014 çулхи çу уйăхĕн 22-мĕшĕ). – Шупашкар, 2014. – С. 4–7.

38. Исаев, Ю.Н. Флористические текстовые единицы в художественном дискурсе (на материале русского и чувашского языков) / Ю. Н. Исаев // *Актуальные вопросы общей и прикладной филологии: сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию М.М. Михайлова (Чебоксары, 30 апр. 2014 г.)*. – Чебоксары, 2014. – С. 30–36.

39. İsayev Y.N. Akçakavak (İVİS) ağaçadı ve bununla ilişkili mitler / Y.N. İsayev // *Türk kültürü*. Ankara (Bahar). – 2015/1. – 53 Yıl. – S. 147–152.

40. Исаев, Ю.Н. Ассоциативный эксперимент как источник изучения языковой картины мира и как метод когнитивного исследования / Ю.Н. Исаев // *Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода*. – 2015. – № 2. – С. 77–83.

Учебно-методические пособия

40. Исаев, Ю.Н. Лингвокультурология и национально-культурная семантика / В.И. Сергеев, Ю.Н. Исаев, А.Л. Филиппов. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. – С. 171–250.

41. Исаев, Ю.Н. Ассоциативный эксперимент на материале чувашских дендронимов = Ыывăçсен чăвашла ячĕсенчен йĕркеленĕ сыхăнулăх сăнавĕ / Ю.Н. Исаев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2014. – 52 с.

Исаев Юрий Николаевич

**ФИТОНИМИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА
В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ**

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано в печать 03.11.2015. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Усл. печ. л. 2,5. Заказ № 14. Тираж 100 экз.

Отпечатано в РИО БНУ
«Чувашский государственный институт»
гуманитарных наук

428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1